

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

ПОКОЛЕНИЕ ДЕЛЬТА: В ПОИСКАХ ХАРАКТЕРИСТИК РОССИЙСКОГО ПОКОЛЕНИЯ НАСТОЯЩЕГО-БУДУЩЕГО

Альбина Ахметовна Бесчасная (aabes@inbox.ru)

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Бесчасная А.А. (2020) Поколение Дельта: в поисках характеристик российского поколения настоящего-будущего. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 7–39. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.1>

Будущее осмысливается
как предчувствие образцов...

В.А. Луков

Аннотация. Изучение жизни общества и построение прогнозов его развития с точки зрения поколенческого анализа сегодня популярно. Обоснование социокультурных детерминант в формировании образа поколения заложил К. Мангейм. Анализ характеристик поколения Z показал, что среди его представителей существуют различия, отражающие политические, экономические, культурные и другие факторы и эпохальные события социализации и жизнедеятельности. Взрослеющему поколению Z приходит на смену следующее. Принимая во внимание моделирующий эффект исторических и социокультурных событий на жизненный путь человека и поколения в целом, правомерно утверждать об особой специфике самого молодого поколения в России. Статья посвящена определению контуров самого юного (российского) поколения, следующего за поколением Z. С этой целью был применен вторичный анализ данных широкого круга источников, описывающих направления развития общества и современных детей. По ряду ассоциативных характеристик тенденций социальных изменений, сопровождающих взросление, и вырабатываемых качеств внутри данной возрастной когорты нами предлагается наименование «поколение Дельта». Основные характеристики этого поколения будут обусловлены динамикой происходящих изменений в технологиях, производстве ресурсов, товаров и услуг, экономике, коммуникациях, потреблении, а также обострением противоречий и необходимостью их безотлагательного решения. Поэтому просматриваются особенности поколения Дельта: разнообразие оснований социальной дифференциации и многообразие повседневных социальных практик, нормирующих девиацию, перманентная ситуация выбора и принятия решений, участие в общемировых процессах и формирование

нового порядка отношений. Катализатором и символом этих изменений предстает стать знаковому событию, место которого может занять COVID-19.

Ключевые слова: поколение, Альфа, Дельта, тенденция, дети, информационные технологии.

Введение

В социологии с целью построения прогнозов проводят анализ изменений в экономической, политической, социокультурной сферах жизни общества. Они затрагивают и жизнь детей, которые выступают как участники настоящего и созидатели будущего общества. Так как детям уже в настоящем принадлежит роль субъектов, а далее с возрастом она будет расширяться и закрепляться, то в реализации социологией прогностической функции необходимо принимать во внимание стохастические отклонения.

Дети — это представители определенного поколения. Временные границы поколений позволяют анализировать жизненный путь личности и семейного рода, а также рассматривать историю общества как смену поколений и строить вероятностные модели будущего. Целью написания статьи является определение характеристик самого юного российского поколения, следующего за поколением Z, с учетом интегрированности детей в тенденции развития современного российского общества.

Основные положения поколенческого подхода

Источником термина «поколение» является биолого-генетическое понимание развития. Он обозначает звено или ступень в цепочке происхождения от общего предка. В традиционных обществах деление на поколения воспроизводилось по схеме «старика — родители — дети», «деды — отцы — дети», что косвенно указывало на константность возрастной структуры общества и относительную неизменяемость событийного ряда, обеспечивающую плавную преемственность и переход из поколения в поколение, знаменующийся инициациями.

Усиление противоречий в обществе и увеличение историко-культурной событийности социальной жизни при переходе от традиционного к индустриальному обществу обусловило возможность «отрыва» от генеалогического и внутрисемейного использования понятия «поколение».

Классиком изучения общественного устройства и развития в аспекте поколенческого анализа является К. Мангейм. Ученый рассматривал проблему поколений в контексте их смены, обусловленной биологическим ритмом жизни, но с сохранением преемственности культуры и формиро-

ванием нового специфического «духа времени». Вместе с тем ученый констатировал наличие у индивидов, по возрастным параметрам принадлежащих к одному поколению, альтернативных ценностей и установок (Мангейм 2000: 27).

В российской социологии проблема изучения поколений одна из самых разработанных. Так, И.С. Кон выделял такие значения термина «поколение»: 1) генерация, звено в происхождении от общего предка; 2) возрастно-однородная группа (сверстники); 3) условный отрезок времени, в течение которого живет или активно действует данное поколение; 4) общность современников, сформировавшихся в определенных исторических условиях под влиянием значимых исторических событий независимо от их хронологического возраста (Кон 2006: 299).

Т. Шанин сформулировал ряд представлений о поколении: 1) звено генеалогической цепи; 2) жизненный этап и/или подразделение возрастной организации общества 3) исторический период и/или современники, т.е. все живущие в нем; 4) социально-возрастная «когорта», т.е. те, кто в результате близости дат их рождения проходит параллельно схожие этапы собственного биологического развития и следует социально очерченным жизненным путем в рамках истории определенных обществ (Шанин 2005: 21).

На значимость историко-культурного контекста в описании поколений указывает В.В. Семенова. Самосознание группы индивидов, родившихся в одно время и имеющих общий опыт, общие интересы и взгляды, является объединяющей характеристикой поколения, а точкой отсчета в определении поколенческих границ исследователь предлагает принимать крупное историческое событие или процесс, ставшие центральными в памяти данного поколения (Семенова 2005: 81, 83).

По мнению В.А. Лукова, представления о поколениях непосредственно связаны с молодостью, когда молодежь становится «источником культурных констант», отличающих их от сверстников других эпох. Культурные константы занимают центральное место в социальной реальности и фиксируют ее границы, формируя таким образом идентификационные характеристики самого поколения, создающего эту действительность (Луков 2012: 341).

Таким образом, в современной социологии сформировалось представление о том, что понятие «поколение» отражает объединение людей с общими признаками, среди которых идентичный хронологический период жизни, схожие социокультурные условия развития и обстоятельства жизни, что благоприятствует формированию единодушия и близких мнений.

Границы поколений

Поколенческие границы («поколенческий шаг», по выражению В.В. Радаева) как временной период представляются нам как интегрирующая единица возрастной структуры и истории общества. В вопросе временной протяженности поколения отсутствует однозначное мнение. Х. Ортега-и-Гассет определяет поколение через количественные и качественные характеристики. Продолжительность поколения определяется им в 15 лет, а его экспансия на исторический процесс — в 30 лет (Ортега-и-Гассет 2000). Б.Ц. Урланис в основу деления положил поколенческий шаг в 20 лет (Урланис 1985: 137). В.Т. Лисовский с точки зрения исторического поколения определяет границы поколений 20–25 лет (Лисовский 1996: 18). По мнению В.В. Радаева, современные поколенческие шаги могут варьироваться от 8 до 25 лет (Радаев 2018: 17).

Разные представления о временных интервалах поколений (другими словами, о «верхней планке» возраста, знаменующей окончание поколенческого шага) в контексте их историко-культурной и социальной обусловленности объяснимы следующими факторами: 1) различными темпами исторического процесса, 2) цикличностью исторического развития с выделением периодов интенсивного событийного ряда (хаоса в терминах синергетики, или неопределенности и рисков) и их стабилизации (установления порядка, предсказуемости и планомерности событий); 3) «впечатлительными годами» (*impressionable years*), во время которых люди наиболее восприимчивы к социальным изменениям, событиям в личной и общественной жизни; 4) возрастом взросления, который может совпадать с «впечатлительными годами», или «социально-возрастными переходами» (Бочаров 2000: 19), когда человек переходит из одного социального состояния в другое.

Такая многофакторность определения возрастных периодов и границ поколений свидетельствует о зависимости поколенческого шага от насыщенности жизни индивида событиями или, наоборот, о ее размеренности. Концентрация событий (в том числе знаковых для генеративных процессов) в личной или общественной жизни приводит к уплотнению времени, ускоренному ходу истории и появлению новых поколенческих различий. От индивидуального опыта проживания событий зависит гетерохронность (само)причисления индивида к определенному возрастному периоду жизни и, следовательно, поколению. Так, среди детей-сверстников могут наблюдаться различия в особенностях социализации. В случае затянувшейся рутинной социализации, особенно отсутствия объективных возможностей оторваться от родительской семьи и родительского влияния, формируется

феномен затянувшегося детства — «детство во взрослости». «Взрослость в детстве» возникает в результате наличия в жизни ребенка событий, требующих от него раннего и активного участия в жизни общества наравне со взрослыми. Поэтому согласно таким особенностям протекания социализации и интенсивности событийного ряда детство может растянуться до 25–30 лет и, наоборот, закончиться значительно раньше официальной границы в 18 лет (Бесчасная 2007).

Следовательно, в периоды исторических трансформаций и кризисов, сопровождаемых интенсивностью событийного ряда и возникновением «впечатлительных» характеристик возрастных когорт, происходит сокращение поколенческих периодов. На этапах же становления и укрепления социальной стабильности, в периоды институционализации нововведений, усреднения хромотопных характеристик жизни, выраженного в упорядочении событий жизни, наблюдается увеличение срока смены поколений до 30 лет. Другими словами, сокращение периода исчисления поколений, — признак интенсивных преобразований в обществе, событий, дробящих жизненный путь человека на большее количество временных периодов.

Поколения XX в.

Дополнительный аргумент в пользу многомерности подходов к характеристике поколений, а также к изучению всего общества — определение различных отправных точек в моделировании поколенческой структуры общества и его истории. Так, Ю.А. Левада и В.В. Радаев использовали значимые для мировой и российской истории эпохальные события XX в., создавшие исторический фон для социализации поколений: 1) «Революционный перелом» 1905–1930 гг.; 2) «Сталинская» мобилизационная система 1930–1941 гг.; 3) Военный и послевоенный периоды 1941–1953 гг.; 4) «Оттепель» 1953–1964 гг.; 5) «Застойный» 1964–1985 гг.; 6) «Перестройка и реформы» 1985–1999 гг. (Левада 2005: 39–60, 41–44; Радаев 2018: 17–18). В.В. Семенова ориентируется на перестроечные события в России: околоперестроечное поколение; доперестроечное поколение; поколение переходного периода; постперестроечное поколение (Семенова 2005: 88–89).

Среди американских исследователей сформировалось такое деление на поколения XX в.: 1) Seniors, рожденные до 1935 г., — самое старшее поколение, которое называют «великим», «военным», «героическим»; 2) Forgotten (Silent, Beat или Lost) родились в период 1935–1946 гг., во время депрессии или войны, и оказались в тени своих героических старших братьев и сестер и следующего шумного поколения; 3) Baby Boomers появились на свет в оптимистичные послевоенные десятилетия 1945–1966 гг.;

4) Generation X родились в 1965–1976 гг. и представлялись старшим мутными, непонятными, не имеющими целей в жизни; 5) Generation Y — 1977–1990 гг. — стали свидетелями и участниками массового распространения интернета и цифровых технологий; 6) Generation Z родились после 1991 г., и многие его представители научились пользоваться компьютером раньше, чем читать (Американские поколения... 2008).

Определяя возникновение и распространение компьютерно-коммуникационных сетей как значимые вехи культуры и истории общества, А.В. Царева выделила «веб-поколения»: 1) «поколение создателей», работавшие в 1970–1980 гг., заложило технологические, социальные и культурные основы современных сетевых компьютерных коммуникаций; 2) «поколение пользователей» реализовывало себя в 1990-е годы, отражает общие характеристики процессов коммерциализации, массовизации, популяризации и анонимизации Сети; 3) «поколение подключенных» в 2000-е годы представляет собой новый качественный этап развития Сети, связанный с развитием и интеграцией мобильных технологий и развитием такой формы сетевой компьютерной коммуникации, как «социальные сети» (Царева 2012).

В представленных классификациях авторы строят гипотетические отношения между знаковыми явлениями в научных открытиях, технологиях, культуре, истории и социальными характеристиками поколений и предлагают символические наименования поколениям. Так как общества по-разному вовлечены в те или иные события, то и их значимость в формировании поколений отлична. Лишь события глобального масштаба, одновременно объединяющие своим круговоротом представителей разных государств и обществ, создают основу формирования обобщенных поколенческих срезов и характеристик.

Современные поколения

В настоящее время популярно обсуждение проблем поколений с использованием их условных обозначений: X, Y, Z. Такие наименования были предложены американскими авторами Н. Хау (N. Howe) и У. Страуссом (W. Strauss), которые «проанализировав поколения американцев, дали характеристику каждому из них, приняв временной интервал между поколениями в 20 лет. В основу своей теории они положили процесс социализации и формирования единых поколенческих ценностей и моделей поведения, которые складываются под влиянием среды и приоритетных ценностей общества» (Лисаускене 2019).

Современный интерес к поколениям X, Y и Z обусловлен тем, что в текущий момент все три находятся в «активе» общества. Подавляющее большинство членов общества приходится на представителей этих по-

колений. Они выступают субъектами экономических и политических отношений, потребителями разнообразных услуг в образовании, здравоохранении и культуре.

По мнению американских исследователей, поколение X родилось между 1965 и 1981 гг. Яркими событиями для поколения X были война во Вьетнаме и энергетический кризис. Поколение Y (миллениалы) родилось между 1980 и 2000 гг., когда наблюдались глобализм, теракты 11 сентября 2001 г. и эпоха интернета (Sharon 2015). Поколение Z вошло в этот мир начиная с 1995 г.

Согласно мнению российских исследователей, применивших латинскую триаду к российской хронологии, поколение X родилось в 1968–1981 гг., поколение Y (миллениалы) — в 1982–2000 гг., поколение Z — позднее 2001 г. (Радаев 2018: 18). Именно представители поколения Z в настоящее время вступают во взрослую жизнь, реализуя себя в профессиональном становлении и трудовой деятельности. По данным Росстата, в 2018 г. в России представителей поколения Z, т.е. лиц в возрасте до 24 лет (самые старшие родились в 1995 г.), 39 970 000 человек, или 27 % от всего населения страны.

Формирование представлений о российском поколении X, или, как его еще называют, «неизвестном поколении», связано с фоновыми событиями 1980-х годов. Продолжение холодной войны, перестройка, СПИД, наркотики, война в Афганистане — все это, по мнению специалистов, сформировало готовность этих людей к изменениям (Федулова 2016; *Who is mister...*). Поколение Y (миллениалы, поколение трофеев) формировалось в условиях распада СССР, смены идеологических рамок, перехода от плановой к рыночной экономике, приватизации и снятия железного занавеса, появления возможности приложения собственных талантов и предпринимчивости (Четвергова 2016).

Поколение Z получило несколько наименований: «цифровое, или виртуальное, поколение», «домоседы», или «homelanders», а также поколение неудачников и «центениалы». По мнению американских ученых, для представителей поколения Z характерно экономически ориентированное поведение, в них присутствует дух предпринимательства, причем это предпринимательство не только ради получения прибыли, но и бескорыстное волонтерство. Им интересны новые знания сугубо прикладного характера. Знания, не приложимые и бесполезные практически, игнорируются, «стираются» ими из памяти. Вовлеченные в глобальные сети, они обеспокоены глобальными проблемами и мыслят в пространственных масштабах, отвлеченно от ситуации и определенной локации. Взаимодействие в Сети генерирует новые символы и языки (Understanding Gen Z...). Д. Стилман выделяет семь ключевых особенностей поколения Z: погру-

женность в цифровой мир, высокая степень персонализации, прагматичность и практичность, синдром упущенной выгоды (страх упустить что-то важное), участие в виртуальной экономике, уверенность в способности все сделать самостоятельно, мотивированность на успех (Стиллман 2018: 21–23). Ж. Чобанка и А. Тари считают, что технологические и коммуникационные изменения, которые застали и активно продвигаются поколением Z, меняют их рациональность и эмоциональные переживания. Находясь в ситуации многозадачности, они потребляют контент сразу по нескольким разным каналам, а их совокупное использование превышает «физические» пределы одного человека. Это блокирует формирование отношения к информации, а эмоциональное переживание перекладывается на других, которые нормализуют их состояние (по крайней мере в эмоциональном смысле) (Csobánka 2016; Tari 2011).

Иные представления о поколении Z (как и о других поколениях) сформированы среди российских исследователей. Так, в 2017 г. Л. Паутова, реализовывавшая в «нулевые» годы научный проект ФОМ «Новое поколение», обозначает представителей поколения, родившегося в начале века, созерцателями, или «поколением дзен». Среди них выше доля тех, для кого важно саморазвитие, самореализация, путешествия. Они готовы отказаться от высокого заработка, если работа слишком напрягает и мешает личностному росту и комфортному наблюдению за жизнью. Благодаря этому современные города наполнились кофейнями и опривыченным «лежанием на газоне» вместе с компьютером. Также для них характерно активное участие в волонтерстве, благотворительности, проявление социальной отзывчивости и использование для усиления резонанса событий всех возможных социальных сетей.

В 2018 г. эксперт «Левада-Центра» Д. Волков представил следующие характеристики «путинскому поколению» (он также ушел от западного ярлыка, указывая на специфику российского социокультурного контекста формирования поколения). Это положительно настроенное поколение, которое благодаря поддержке родителей уверенно смотрит в будущее. Перемены менее желательны для них, поскольку они воспитывались в период власти одного президента и поэтому не видят в них необходимости. Главное пожелание — большее количество рабочих мест. Модель их потребления продиктована символическим предпочтением «айфон важнее ракеты».

М.В. Лисаускене по результатам лонгитюдного сравнительного исследования 1991–2019 гг. среди молодых сибиряков характеризует поколение Z качествами представителей космополитического сообщества (каждый из них — «человек Земли»), приверженностью к традиционным

для России семейным ценностям, нацеленностью на создание семьи как главный принцип успешной жизни, романтическим отношением к любви, в отличие от глобального охлаждения европейцев к противоположному полу. Российские «зеты», проживающие в обществе глобального риска, подвержены ряду страхов и тревог, они ощущают нестабильность социума и стараются жить здесь и сейчас (Лисаускене 2019).

Д. Вьюгина предлагает три ключевых вывода в отношении российского поколения Z. Во-первых, поколение Z в европейском понимании (технологически образованная прогрессивная молодежь) можно обнаружить только в крупнейших городах России. Другая часть страны, возможно, не является репрезентативной из-за более низкого уровня жизни, цифрового разрыва и отсутствия изменений. Во-вторых, влияние традиций и традиционных ценностей в обществе все еще формирует общественное мнение даже среди молодежи. В-третьих, поколение Z в России можно было бы назвать поколением противоречий (Vyugina 2019).

К. Шольц и А. Реннинг, анализируя поколение Z на основании обзора европейских исследований, подтверждает выводы российских исследователей о специфичности российского поколения Z. Объяснение этому они находят в следующем: несмотря на то что современный мир подвержен глобальной конвергенции и формируются сходства внутри когорты, генерогенные пространства жизни обуславливают различия в поколении Z даже внутри европейского континента (Scholz, Rennig 2019).

Таким образом, современные представления о поколении Z указывают на моделирующее значение социокультурных детерминант и событий истории, которые его представители «переживают» совместно. Однако, на наш взгляд, поколение нельзя рассматривать только лишь как «жертвы обстоятельств». Представители тех или иных поколений, будучи субъектами изменений, вносят свой вклад в формирование нового событийного ряда истории, который, в свою очередь, будет сопровождать становление следующего поколения. Поэтому в настоящее время встает вопрос: кто идет вслед за поколением Z, что (по)влияет на их формирование, какими они будут?

В настоящее время за рубежом входит в оборот наименование нового поколения, вступающего в жизнь вслед за Z, — поколение Альфа. Мы же, учитывая собственный социокультурный контекст, формирующий различные социальные характеристики поколения, предлагаем наименование «поколение Дельта».

Поколение Альфа

Так назвали самое молодое по времени существования поколение австралийские исследователи М. Маккриндл и Э. Вулфингер (McCrinkle,

Wolfinger 2016). Они же выдвинули предположения о его основных поколенческих характеристиках.

Поколение Альфа (Generation Alpha) составляют дети, рожденные после 2010 и до 2025 г. Согласно М. Маккриндлу и Э. Вулфингеру, такое наименование поколения имеет основание по двум причинам. Во-первых, окончание перечисления букв латинского алфавита (Z) как повод обратиться к началу других алфавитов (например, арабского или греческого), а во-вторых, начало рождения поколения ознаменовано появлением айфона, что, по мнению авторов, созвучно с «Альфой».

Наряду с поколением Альфа звучат предложения называть грядущее поколение GenTech, Digital Natives, Google babies и NetGen. Такие мнения возникают по причине того, что большая часть информации черпается его представителями из Интернета. Представители поколения, родившиеся после 2010 г., едва научившись ходить, уже готовы к изменениям. Альфы не просто выросли с цифровыми гаджетами — они полностью погружены в них с рождения. В раннем возрасте эти дети чувствуют себя комфортно, разговаривая с голосовыми помощниками и проводя пальцем по экрану смартфона. Они не рассматривают технологии как инструменты, используемые для достижения целей, а скорее, как глубоко интегрированную часть повседневной жизни.

А. Надь и А. Кёлчеи отмечают, что у «альфовцев» физическая и психологическая зрелость начинается раньше, в то время как стадия взрослой жизни (брак, дети и карьера) отодвигается назад, что обусловлено главным образом увеличением времени, затрачиваемого на образование (Nagy, Kölcsey 2017). По формальным меркам это будет самое образованное поколение, так как у его представителей обучение начинается в раннем возрасте, а образовательная, трудовая и социальная активность продолжится и после 70–80 лет. Относящиеся к поколению Альфа будут проводить значительное время в социальных сетях, находиться на связи онлайн, воспринимать визуальный образ и информацию лучше, чем аудио- и вербальное знание. Многозадачность является для них основным навыком. Будучи воспитанными в системе, культивирующей взаимопонимание и формирование способности договариваться, молодое поколение Альфа не признает диктата и соблюдение правил ради правил. Их деятельность строится больше на внутренних мотивах, нежели на внешних.

Характеризуя поколение Альфа, зарубежные авторы, безусловно отражают в своих суждениях те сведения, которые почерпнуты ими из исследовательского контента, актуального для их социокультурного событийного ряда и повседневности. Однако мы должны вновь признать наличие разных социально-экономических отношений в обществах,

правовых традиций в государствах, отличающихся исторических вех и социокультурных компонентов общественного сознания, создающих контуры характеристик поколений с их «привязкой» к хронотопным координатам. Поэтому, предположительно, характеристики поколения Альфа, рожденного за рубежом, отличаются от характеристик сверстников, например, в российских реалиях. Это дает нам основания строить модель российского поколения пост-Z и обозначить его как поколение Дельта.

Поколение Дельта: методология построения

В моделировании характеристик поколения Дельта мы примем во внимание методологические положения, сформулированные П. Бурдые и Г. Беккером.

Поколения выступают как агенты изменений социальной действительности, которая структурируется, согласно П. Бурдые, на «реальность первого порядка» и «реальность второго порядка». Реальность первого порядка проявляет себя через распределение опредмеченных, объективных условий и предпосылок практик, средств производства различного рода благ и ценностей (видов капитала), т.е. того, что получает новое поколение по факту своего рождения. Реальность второго порядка возникает в социальных представлениях, в практических схемах как символическая матрица практик агентов (Бурдые 2005). Благодаря «второй реальности» поколения встраиваются в историческую хронологию и обретают собственный образ.

Детализацию так называемой второй реальности в аспекте поколения будущего можно провести посредством построения паттерна поколения, предложенного Г. Беккером как основа их эмпирического изучения. Он предложил следующие компоненты описания поколений (Семенова 2005: 85–86):

- социальный контекст становления поколений (наиболее важные события, имевшие место в формативный период);
- состояние СМИ в тот же период;
- система социализации, возможности в формативный период;
- системные характеристики поколений (величина и состав когорт), поколенческие культуры, поколенческие союзы;
- биографические характеристики поколения (жизненный путь, ценностные ориентации, поведенческие образцы).

Обзор исследований поколений показывает, что ученые с целью описания или сравнения поколений в своих работах используют сведения де-факто. Их анализ строится на данных, описывающих различные характеристики людей одной возрастной когорты и события, сопровождавшие

их жизненный путь, которые в совокупности состоялись, а сами исследования представляют собой ретроспекцию. Описание же поколения, старшему представителю которого исполняется сегодня максимум 10 лет, может основываться лишь на текущих данных, наблюдаемых тенденциях изменений общества и на предположениях об их последствиях в перспективе, а также о возможном значении и влиянии тех или иных факторов в будущем. Поэтому надо оговориться, что модель (образ) поколения Дельта в текущий момент еще в большей степени, чем предыдущие, основана на интуитивных сентенциях, чем на жесткой аргументации.

Применение паттерна поколения с опорой на известные факты о «первой реальности» позволило нам выделить основные компоненты модели поколения, находящегося на этапе рождения, вхождения в общество и мир и становления личности. Выделим ведущие характеристики паттерна поколения, в том числе поколения Дельта, сочетающие в себе влияние наблюдаемых тенденций развития общества, трендов в развитии технологий и социокультурный контекст, сопровождающие повседневную жизнь формирующегося поколения:

1. Демографические показатели: численность, возраст, период детства.
2. Материально-технические условия жизни, полученные поколением «на входе» и создающие основания для их (условий) дальнейшего развития (обновления) и трансляции следующим поколениям.
3. Устройство общества, социальные практики социализации и коммуникации внутри поколения, образующие основу поколенческой культуры.
4. «Багаж прошлого» — проблемы, которые возникли в период жизни предыдущих поколений, но их решение перешло на последующие поколения.

Поколение Дельта: построение характеристик

Выявление характерных черт поколения, следующего за поколением Z и находящегося на этапе становления, очевидно, имеет ряд трудностей, так как нам доподлинно неизвестно, какие события и в какой степени возьмут на себя миссию «впечатлительных лет» (impressionable years), повлияв на становление мировоззрения и жизненный путь молодого поколения, его обобщенный образ? Какие технологические новшества будут влиять на формирование повседневных социальных практик и какой вклад принесет новое поколение в историю?

Выбор наименования российского самого молодого поколения «Дельта», отличного от зарубежной «Альфы», был продиктован несколькими причинами. Во-первых, наш анализ (и его применение) ограничивается лишь знанием о российских детях и российском обществе. Различия в ха-

рактика как минимум поколения Z между зарубежными и российскими представителями позволяют предположить, что существуют и различия между современными детьми в России и за рубежом. Несмотря на колоссальные изменения, произошедшие в российском обществе в конце XX — начале XXI в., экономическое, политическое и идеологическое противостояние между государствами сохраняется. Свидетельствами этому являются политические и экономические санкции, связанные с крымскими событиями, технологическая зависимость России от западных инноваций, различия в образе и качестве жизни, культурные и языковые барьеры. Поэтому использование наименования «Альфа» к российскому молодому поколению и характеристик, связанных с ним, неприменимы в полной мере в российском контексте.

Во-вторых, аргумент о последней букве латинского алфавита Z и переходе к началу греческого с целью наименования следующих поколений, на наш взгляд, также недостаточен, так как прежде не были использованы в наименовании поколений другие буквы латинского алфавита, расположенные до X. Наименования поколениями X, Y, Z давались на основании ассоциативных рядов, возникавших в образном описании их представителей, и строились последовательно от поколения X, изначально просто обозначавшегося таким образом как поколение «неизвестное».

И, в-третьих, основная причина нашего выбора — выявление особенностей самого юного российского поколения и условий его становления вызывает у нас ассоциации со значениями слова «дельта». «Дельта» — это четвертая буква греческого алфавита (Δ, δ). Согласно толковыми и этимологическим словарям, «дельта» — это изменения и различия; разница; отклонения; динамика цены на что-либо, зависящая от многих факторов; разветвление и впадение в нечто большее, крупное; место плодородия; вход или начало чего-либо.

Охарактеризуем наметившиеся контуры поколения Дельта.

*Демографические показатели:
численность, возраст, период детства*

Историческое расположение поколения Дельта во времени условно ограничено 2010–2030 гг., что соответствует поколенческому шагу в 20 лет. В настоящее время в России детей, представителей поколения Дельта, т.е. рожденных в 2010 г. и позже, около 18 220 000 чел., т.е. 12 % от всего населения (Население. Росстат, 2019). Из них 73 % детей родилось в городах, остальные — сельские жители.

Анализ динамики рождаемости со времени окончания Второй мировой войны до настоящего времени с учетом развала СССР и возникнове-

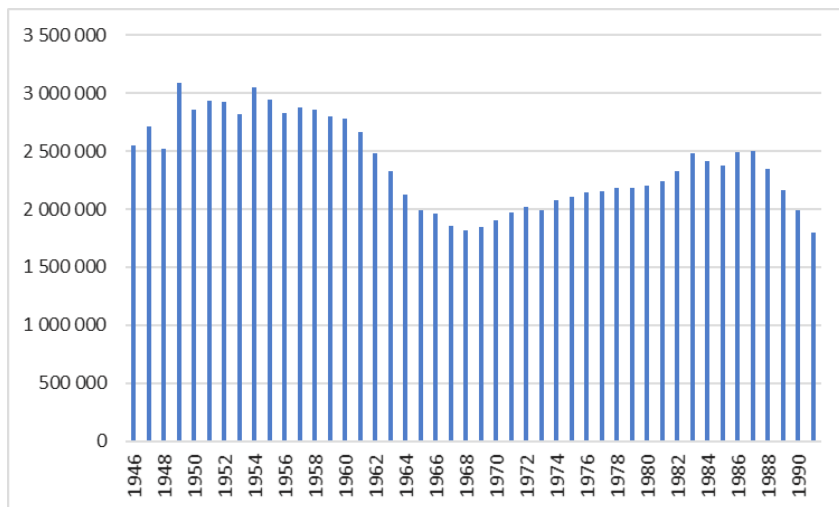

Рис. 1. Динамика абсолютной рождаемости в СССР в 1946–1990 гг. (млн чел.)

ния РФ в 1992 г. показывает, что поколение, начавшее свой отсчет в 2010 г., пришлось на этап кратковременного подъема рождаемости. С 2015 г. вновь наблюдается спад рождаемости (рис. 1, 2).

Обращение к динамике демографических показателей России в предыдущие периоды показывает, что демографическое эхо Второй мировой войны приходится на снижение рождаемости в 1965–1971 гг. и в 1995–2000 гг. Послевоенный подъем рождаемости в России в 1950-е годы получил продолжение в демографическом гребне 1980-х и далее слабым отголоском третьего эха, в который внесла вклад демографическая политика В.В. Путина, в начале 2000-х годов. Однако низкая рождаемость в предыдущие поколения X и Y, а также феномен отложенного рождения ребенка или добровольный отказ от рождения детей в условиях урбанизации и сверхурбанизации имеют совокупным итогом снижение рождаемости в середине 2010-х, что, по прогнозам демографов, углубит депопуляцию (Рыбаковский, Таюнова 2017). Например, уже 2019 г. характеризовался демографическим рекордом убыли населения. С января по октябрь 2019 г. естественная убыль населения без учета миграционного притока составила 259,6 тыс. чел. (Естественная убыль россиян... 2019).

Следовательно, поколение Дельта будет иметь значительно меньшую долю в общей численности российского населения, чем их сверстники в пре-

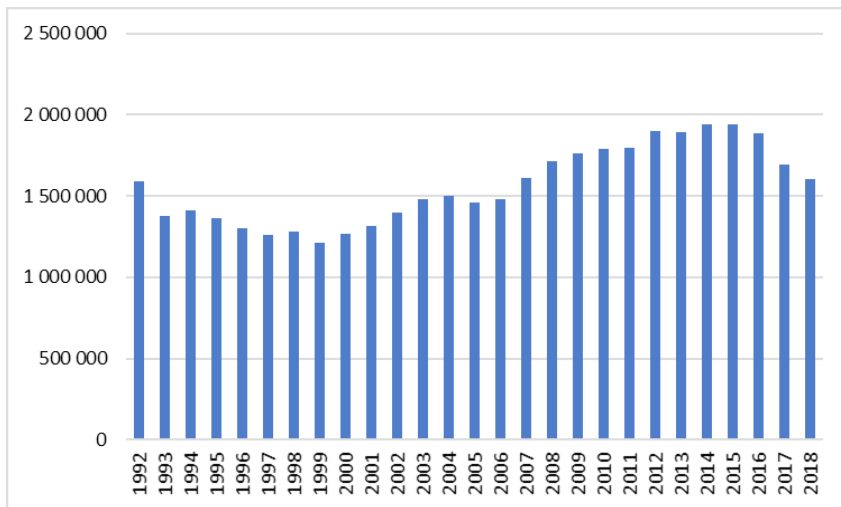

Рис. 2. Динамика абсолютной рождаемости в РФ в 1992–2018 гг. (млн чел.)

дыдущих поколениях. Поколение Дельта — это поколение депопуляции (depopulation), которое станет свидетелем и участником проявлений последствий демографического кризиса в первой половине XXI в. Это такие последствия, которые будут формировать «повестку дня» повседневной жизни поколения Дельта: обострение национальных отношений в связи с усилением миграционного потока, утрата национальной идентичности и нарушение преемственности культуры нации, угроза территориальной целостности государства, нехватка трудовых ресурсов, повышение налоговой нагрузки на одного человека, замена семейно-родственных отношений социальными, ухудшение качества социализации и др. (Лебедь 2009).

Кроме того, рассматривая демографические аспекты грядущего поколения, предполагаем, что оно застанет увеличение продолжительности (duration) периода детства. Этому есть несколько предвестников. Во-первых, увеличение периода детства в истории всегда было вызвано увеличением сроков образовательной деятельности и профессиональной подготовки. В России увеличение срока обязательного школьного обучения происходило регулярно. В начале 1950-х годов было обязательное 7-летнее обучение, далее в 1958 г. — обязательное 8-летнее, в 1970-е годы говорили о необходимости введения обязательного 10-летнего школьного образования (Джуринский 2004: 351). Одиннадцатилетнее полное

среднее образование было введено в 1989 г. в результате новой реформы, а статус обязательного оно приобрело в 2007 г. (заменив, таким образом, обязательное 9-летнее школьное обучение). Очевидно, что в XXI в. багаж обязательных для школьника знаний, умений и навыков увеличился, что вновь потребует корректировки в сроках обучения и, вероятно, в определении детского периода.

Во-вторых, все чаще ученые и политики говорят об объективных факторах увеличения детского возраста как периода жизни, нуждающегося в заботе взрослых. Например, Л. Антробус (L. Antrobus) предлагает продлить подростковый возраст до 24 лет, поскольку к 18 годам современные люди в западном обществе не успевают решить задачи по переходу к взрослой жизни (приобрести ясный образ себя и стабильную самооценку, завершить сепарацию от родителей, пережить шторм гормональной перестройки и стать эмоционально зрелыми) (Бочавер и др. 2016: 31). Этим размышлениям вторит В. Скворцова*. Она отмечает, что тенденция увеличения периода детства существует во всем мире: «Детство, которое на начало Великой Отечественной войны составляло 14 лет, в 1960-е годы — 16 лет, сейчас во всем мире — 21 год, а в перспективе это будет не менее 25–30 лет». Дополнительным аргументом увеличения детского периода является общее увеличение продолжительности жизни. Поэтому поколение Дельта, с рождения живущее в электронно-цифровой реальности, — первый кандидат для реализации предположений об увеличении детского возраста.

Но современные дети особенно отличаются ускоренным биологическим ростом. Регулярный и полноценный режим питания, медицинское обслуживание, благоприятная социально-экономическая и социокультурная среда и другие факторы обеспечивают условия для акселерации и раннего полового созревания. Как отмечают исследователи, у детей текущего столетия наблюдается ускоренный рост, интенсивность в развитии соматических показателей, опережение в появлении вторичных половых признаков, чем у их сверстников в начале и даже во второй половине XX в. При этом отмечено, что данные характеристики биологического взросления детей зависимы от региональных и сельско-городских условий (Салдан и др. 2019).

Эта особенность развития создает противоречие между биологически обусловленными притязаниями детей и социально-обусловленными санкциями взрослых на их удовлетворение. По этой причине формируется

* Министр здравоохранения Российской Федерации в период 21 мая 2012 — 15 января 2020 г.

двойной стандарт (double standard) отношения к ребенку (что этнометодологически отражается в обращении к нему), который устами родителей может одновременно именоваться и «большим, взрослым» и «маленьким».

Следовательно, характеризуя поколение Дельта в демографическом аспекте, можно отметить, что современные тенденции изменений общественной жизни указывают на высокую вероятность депопуляции населения за счет низкой рождаемости детей, представителей поколения Дельта, увеличение продолжительности периода детства и усиления противоречий в их социально-демографическом статусе в связи с двойственными ожиданиями от выполняемых ими социальных ролей.

Материальные условия жизни, полученные поколением «на входе» и создающие основания для их (условий) дальнейшего развития (обновления) и трансляции следующим поколениям

Поколение Дельта в России является тем поколением, которое вместе со своим рождением вошло в цифровой мир, в мир информационно-коммуникационных технологий. Клавиатуры и сенсорные экраны, датчики и считывающие устройства, доступная информация, легко и интуитивно осваиваемые интерфейсы приложений, вездесущность интернета и многое другое — все это уже для них обыденность. Детей с грудного возраста встречают различные развивающие игрушки, гаджеты, девайсы. Уже сегодня в России активно осваивается сегмент электронных игрушек для младенцев с 3–4 месяцев, заменители материнского присмотра — видеоняни. По информации экспертов лаборатории «Касперского», самый распространенный возраст знакомства детей с электронными устройствами — три года (Черных 2019). Информационно-коммуникационный тренд в России проявил себя в буме детских курсов по обучению программированию.

По мнению специалистов-практиков, оптимальным возрастом для обучения является 8–9 лет, но есть прицел и на дошкольный период — уже сейчас детей с четырех лет учат простейшим языкам программирования и разработке игр (Портнягина 2018). Свидетельством того, что электронно-цифровые устройства (digital device) стали частью повседневного мира детей, а манипуляции с ними — рутинными детскими социальными практиками, является введение в 2011 г. в статистическую отчетность, характеризующую жизнь детей, разделов о наличии у них навыков работы с персональным компьютером, частоте и целям использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Согласно сведениям Росстага, в 2016 г. 93,9 % детей в возрасте 9–18 лет имели навыки работы с персональным компьютером. Также в 2016 г. среди детей 15–18 лет 94 %

постоянно выходили в интернет посредством персональных и портативных компьютеров и мобильных телефонов.

Таким образом, электронно-цифровые устройства — это неизменные компоненты современной жизни. Заданный вектор развития технологий будет продолжен поколением Дельта. С полной уверенностью можно констатировать, что предпосылками этого направления становится внедрение сетей 4G и 5G и технологических разработок четвертой промышленной революции, так называемой «индустрии 4.0», основанной, по словам ее идеолога К. Шваба, на синтезе физических, биологических и цифровых данных (Шваб 2018: 19). «Интерфейс» индустрии 4.0 для рядовых пользователей выражается в повсеместности цифровых технологий, искусственного интеллекта, миниатюризации и мобильности производственных и сервисных устройств. Обыденность человека наполняется искусственным интеллектом, интернетом вещей, робототехникой, он погружается в технологии «умного дома», «умного производства», «умного города» и «умного управления». Успех воплощения в реальность индустрии 4.0 зависит от коммуникационных технологий, которые должны обеспечить оперативность и беспроводное удобство, а также скорость передачи данных и бесперебойность связи. Поэтому миссией поколения Дельта в вопросах формирования производственного и экономического базиса общества станет совершенствование изобретений электронно-цифрового характера и создание производственной информационно-коммуникационной среды и среды жизни в духе индустрии 4.0.

Вследствие таких нарастающих потребностей общества следующее десятилетие — это время особой востребованности инженерного знания. Профессия инженера, преобразовавшись из индустриального типа в постиндустриальный, вновь приобретет популярность, расширив базовый арсенал знаний из области классических наук до комплексных междисциплинарных знаний. Образование как качественная характеристика личности, профессиональная подготовка и квалификация в соответствии с запросами высокотехнологичных производств, владение программными продуктами станут новыми критериями социальной дифференциации и стратифицирования населения в информационном обществе и формирования новых основ для стратифицирования общества в целом.

Современные российские дети попадают в среду, культивирующую научные знания в разнообразных областях. Уже на школьной скамье научные изыскания детей становятся предметом конкуренции и финансового поощрения. Практика школьного образования обогатилась так называемыми «президентскими» и «губернаторскими» школами, дополнительно финансируемыми и нацеленными на отбор и раскрытие творческого по-

тенциала детей, на их продвижение и участие в конкурсных мероприятиях (Трушин 2019). Ярким примером этого движения является школа «Сириус». Современная российская мода (как отклик на потребность в отечественных инновационных разработках) на научно-техническое творчество детей проявляет себя в организации и проведении конкурсов и олимпиад разного уровня, в том числе мероприятий международного уровня, например международной олимпиады по робототехнике «World Robot Olympiad», международного конкурса исследовательских работ школьников «Research start», международного смотра-конкурса научных работ для школьников старших классов «ISEF», Балтийского научно-инженерного конкурса и т.д. Сопутствующим свидетельством тенденции формирования культа научно-технического контента современной реальности и обращения к детям как к создателям инженерных новшеств через популяризацию интереса к знаниям естественно-научного характера является расширение числа развлекательных научно-познавательных центров, технопарков и интерактивных музеев науки и техники (Банцеровва 2018). Активная «проба» ребенком разных видов деятельности формирует черту современного детства и поколения Дельта — уже в детском возрасте ребенок становится участником конкурентных отношений и получает возможность достижения определенного социального статуса в результате собственной сознательно мотивированной деятельности. Таким образом, поколение современных российских детей вступает в знаниевую конкурентную среду, в которой происходит актуализация достижимых ими социальных статусов. Основным и главным критерием формирования различий (distinction) и социальной мобильности выступают знания, информированность, образование и компетентность, формирующие преимущества и успешность самовыражения детей и становящиеся основаниями для ранжирования, которое продолжит себя проявлять в профессиональных и социально-экономических отношениях. Вновь актуализируется постулат «Знание — сила», так как в нестабильном и меняющемся мире только лишь обладание ими станет для человека надежным капиталом.

Грамотность и владение инструментарием в сфере IT-технологий — качества, которые в условиях неизбежной модернизации производств позволят субъекту проявить компетентность и сохранить конкурентоспособность на рынке труда. Квалифицированное владение программными компьютерными продуктами в профессиональной сфере становится неотъемлемым компонентом профессионального образования, а также причиной социальной дифференциации на востребованных и невостребованных в общественном производстве. Эти трансформации будут способствовать усилению расслоения и поляризации общества.

Следовательно, с точки зрения текущих тенденций поколение Дельта продолжит путь освоения и совершенствования информационно-коммуникационных технологий, делая их все более адаптивными и «человекоподобными», формируя на них все больший спрос среди рядового пользователя и заменяя человека на производственных площадках, особенно в условиях депопуляции и нехватки трудоспособного населения. Владение цифровыми устройствами становится основанием для формирования экономических, образовательных, профессиональных, культурных различий между людьми и, следовательно, для социальной дифференциации.

*Устройство общества, социальные практики социализации
и коммуникации внутри поколения,
образующие основу поколенческой культуры*

Возникновение в истории российского общества интернета как канала информации повлияло на социализирующие практики детей, изменило социальные нормы и сформировало новые культурные образцы отношений, в том числе внутри юного поколения.

Особенность современного российского общества — сочетание либерально-демократических элементов государственного устройства с сохранением традиционно-патерналистского отношения к власти. Это общество, в котором из поколения в поколение передавалась мечта о свободе. Но ответственность как следствие самостоятельно принятого решения стагнировала ее достижение. Поэтому причудливый микс из демократии и консерватизма присутствует в современном мире детства, а также имеет потенциал дальнейшего проявления в характеристиках поколения Дельта. С одной стороны, современные дети (как и их родители ранее) получили, например, свободу выбора и формирования развивающей среды, условий и деятельности ребенка. Но, с другой стороны, дети продолжают находиться «под колпаком» пристального контроля взрослых, происходит подмена деятельности ребенка или процесса ее выбора деятельностью и выбором в большей степени в интересах взрослых.

«Множественность» образов детства строится на разнообразии (diversity) критериев социальной дифференциации детей, а также повседневных социальных практик. Это связано со все большей возможностью детей проявлять активность и выбирать формы самовыражения. Так, по данным из аналитического доклада НИУ ВШЭ, доля детей, охваченных дополнительными общеобразовательными программами, выросла с 45,5 % в 2005 г. до 67,7 % в 2016 г. (Аналитический доклад... 2017). При этом следует учитывать, что общая численность детей в возрасте от 5 до 18 лет имела в этот период колебательную динамику, а охват дополнительным

образованием детей в целом по России происходил в основном за счет регионов-лидеров, в то время как показатели охвата в «отстающих» субъектах практически не менялись. Кроме того, большая часть детей посещает один кружок (секцию), 18 % — два кружка, 12 % — три и более. Так как кредо современного общества — детоцентризм, культ (демонстрации) заботы о детях, а также предоставление возможностей для самореализации индивида, то проявление детьми индивидуальности с поощрением успешного результата эскалирует соревновательность и конкурентность как между детьми, так и между их родителями.

Однако успешность ребенка в детстве нередко является свидетельством гиперопеки и встревоженности родителей перспективами будущей профессиональной деятельности ребенка, ограниченной их представлениями о ее референтности. По результатам опросов, проведенных исследовательской группой «Ромир» (2015, 2016, 2019 гг.), родительские предпочтения в выборе будущей профессиональной деятельности ребенка являются доминирующими. Кроме того, косвенным указанием на признание необходимости внешнего контроля за поведением детей, а также отголосками авторитаризма признаются аргументы родителей в пользу введения (сохранения) школьной формы в школах (по результатам исследования «Ромир» в 2014 и 2016 гг.). Так, три четверти детей (75 %) носят школьную форму. На вопрос об отношении родителей к школьной форме подавляющее большинство респондентов (92 %) заявили, что поддерживают идею наличия школьной формы в учебных заведениях. Из этого большинства 59 % родителей отметили, что форма дисциплинирует детей, а 45 % указали, что школьная форма «устраняет социальное неравенство» между детьми.

Эти данные свидетельствуют о большой доле населения России, консервативно и традиционно ориентированной, что подкрепляет потенциал конфликта «отцов и детей». Как отмечает социолог детства С.Н. Майорова-Щеглова, «интенсивное соучастие родителей в процессе взросления ребенка имеет определенное последствие — стремление родителей “привязать” к себе ребенка прочно и надолго. В свою очередь, дети пытаются освободиться от столь тесных уз» (Майорова-Щеглова 2007: 193). Подпитку в отстаивании суверенитета молодым поколением создает интернет. Доверие к социальным сетям больше характерно для молодых, чем для респондентов в возрасте. Молодежь доверяет социальным сетям практически так же, как телевизору (32 против 41 %), в то время как у поколения «перестройки» это соотношение составляет 19 против 47 %, а у представителей поколения «застоя» — 5 против 58 % (Свободнее и счастливее нас... 2019).

С точки зрения технологий дети социализируются в модернизированной социальной среде, которая трансформирует коммуникации, интенсифицирует мобильность, расширяет информационную осведомленность детей. Активное использование интернет-коммуникаций знакомит детей с образом и нормами жизни, принятыми в разных обществах, с проблемами и способами их решения в других странах позволяет уже в детстве узнать о разнообразии общественного устройства, об альтернативных способах эффективного социального взаимодействия, альтернативных жизненных путях, моделях повседневных социальных практик с разными формами самовыражения и стандартами оценивания. Итогом этого становится, во-первых, то, что либерально-демократические преобразования в России, начатые в конце XX в., формирование правового статуса ребенка в сочетании с потоком информации сформировали новое поколение — детей, которые рефлексируют свою жизнь и происходящие события в России, что побуждает их к участию в протестных акциях, флешмобах, подписании петиций. Ярким примером тому могут служить митинги 2017 г., запомнившиеся детским участием в протестном мейнстриме (Курилова 2017). Демократия, пусть нередко декларированная и мифологизированная, в российском обществе существует и найдет своих сторонников среди поколения Дельта.

Во-вторых, множественность и разнообразие мира ликвидирует однообразие норм, рождает новые из обширного мультикультурного арсенала девиации. Многообразие ценностно-нормативных образцов глобального общества подталкивает молодых людей к частой необходимости определения самоидентификации и самовыражения, а нормы оказываются предметом выбора, формируя в целом рефлексивную аномию. Девиации (deviation) как стремление молодых выделиться, показать свою индивидуальность, продемонстрировать позицию приобретают нормативный характер и являются реакцией на обстоятельства жизни. Слабость идеологических догм благоприятствуют возможности детей «быть самими собой». Это подтверждают данные ВЦИОМ 2018 г., согласно которым 75 % опрошенных считают, что сегодня молодежи необходимо самостоятельно выбирать свой жизненный путь, отказываясь от образа жизни родителей, а 83 % считают, что именно так уже и происходит.

Информационно-коммуникационное оснащение повседневности детей (и общества в целом) еще в большей мере сокращает непосредственное межличностное общение детей, переводя его в интернет-пространство социальных сетей с большим количеством собеседников и интенсивным взаимодействием с ними в существенно обезличенной форме. По данным ФОМ, среди социальных сетей интернет-аудитория 12+ выделяет «ВКон-

такте» (ею пользуются 56 %) и «Одноклассники» (54 %). Помимо указанных социальных сетей, регистрация детей зафиксирована одновременно в «Инстаграмме», «Фейсбуке», «Телеграмме», «Моем мире», «Твиттере» и др. А по наблюдениям «Лаборатории Касперского», российские дети проводят в интернете значительно больше времени, чем представители молодого поколения во многих странах Европы и США (56 % детей... 2016).

Изобилие коммуникационных сетей и их интенсивное использование создают иллюзию дружеских и приятельских отношений, а состояние одиночества детьми не идентифицируется либо подменяется чувствами обиды и досады, возникшими вследствие разногласий или отсутствия (возможно, временного) взаимопонимания с родителями и сверстниками. Делать выводы об одиночестве детей мы можем по косвенным признакам, в частности по уровню аутоагрессии и суицидального поведения. По данным уполномоченного по правам ребенка в РФ, число детских суицидов в России в 2018 г. за год выросло почти на 14 %. В 2017 г. было зафиксировано 692 детских суицида, в 2018 г. — 788 (В России выросло... 2019). Интернет-коммуникации усугубляют причины суицидального исхода, которые сформулированы были еще Э. Дюркгеймом, — одиночество и разобщение в обществе, разрушающие социальные связи, в котором отсутствуют регуляторы, облегчающие выбор (*decide*) (Горбачев, Цирихова 2018). Ситуация выбора в сложившемся либерально-демократическом и мультикультурном обществе приобрела перманентный характер: принять решение согласно общепринятым нормам и правилам, но вопреки собственному мнению или, наоборот, вразрез с принятыми устоями и ожиданиями общества. Акт выбора приобретает противоречивые коннотации, определяющие субъективность оценок его оснований и последствий в условиях «ускользающего мира». Поэтому самое молодое поколение Дельта — это поколение выбора, частота и сложность которого побуждает к принятию стратегии эскапизма.

Так как одной из институций социализации детей является группа сверстников, то и в данном аспекте интернет предлагает модернизированные практики взаимодействия между детьми. Безусловный интерес представляют интернет-сообщества детей, созданные по их инициативе и являющиеся альтернативой реальному общению. Сообщества детей, функционирующие посредством интернета, позволяют им подчеркнуть обособленность пространства детства от пространства взрослых. В интернет-пространстве появляется возможность конструирования новых правил социального взаимодействия и поведения, создавать закрытые обсуждения или, наоборот, распространять проблематику на широкую аудиторию. Такая особенность современного детства, вовлеченно-

го в интернет-пространство, формирует потенциал возникновения самостоятельного и независимого общественного мнения, существующего как параллельно, так и в оппозиции с официальным или общепризнанным.

Важная особенность, характеризующая лицо поколения, — формирование новой модели личности потребителя, уже разборчивого в своем спросе (demand). Изобилие предложений на интернет-рынке товаров и услуг совершенствует стратегии выбора потребителя — требования потребителей становятся разнообразными. Для детей создаются специальные индустрии досуга. Бизнес-идеи этих сфер экономической деятельности строятся на познавательных, спортивных, развивающих и исключительно развлекательных интересах детей. Интернет помогает детям узнать о новинках, их популярности и одобрении в среде сверстников. Дети становятся равноправными участниками экономической жизни, высказывая пожелания о покупках и развлечениях, участвуя в их выборе, в том числе в интернет-магазинах. Благодаря этим информационным технологиям магазины и сфера услуг «вошли в дом», еще больше вовлекая детей в товарно-денежные отношения, попутно ограждая от опасности улиц и общественных мест. Но потребление для поколения Дельта — это не просто компонент иерархии потребностей, а требование лучшего, подстроеного под запрос индивидуума — комфорт, доступность, качество, усовершенствование.

Следовательно, с точки зрения текущих тенденций поколение Дельта в условиях признания социокультурного разнообразия поддержит укрепление идей демократии, а девиации укрепят нормативность многообразия. В целом это будет способствовать формированию социальных практик избирательного спроса и рутинизирует принятие решений.

«Багаж прошлого» — проблемы, которые возникли в период жизни предыдущих поколений, но их решение перешло на последующие поколения

Повестка современного положения дел в России характеризуется как непосредственной связью с общемировыми проблемами, так и самобытными российскими событиями, из которых складываются тенденции будущего. Это проблемы, обусловленные расцветом и упадком индустриальной эпохи, а также переходом к новой постиндустриальной действительности. Трансформации сопровождаются модернизацией технологий производства, появлением новых средств производства, новых отношений, производственных и общественных, поиском ресурсной базы и переделом сложившегося разделения труда, сфер влияния и владения. Поэтому наиболее очевидны

ми трудностями (difficulty) будущего, которые можно констатировать уже в настоящем и которые стирают «страновой» колорит, являются формирование экономики, независимой от нефте- и газодобывающей отрасли, создание сберегающих экологически ориентированных производств и разработка альтернативных источников энергии, снижающих пагубное воздействие на климат, обеспечивающих сохранение флоры и фауны, сокращение разрыва в социальном неравенстве людей и регионов, равный доступ к ресурсам, изменение политического мироустройства, укрепление институтов демократии и либеральных ценностей, исследование проблем здоровья, профилактику и лечение заболеваний и др. Разрешение этих проблем для молодых будет безотлагательным и безальтернативным, следовательно, войдет в категорию обязательного дела (duty deal).

Информирование современных детей о проблемных зонах российского и мирового сообщества происходит вновь благодаря интернет-коммуникациям, а консолидация — в интернет-пространстве (Егорова и др. 2001). Примерами объединения детей перед лицом проблем являются экологические движения «Школьная забастовка за климат» (швед. Skolstrejk för klimatet), «Пятницы ради будущего» (англ. Fridays for Future, FFF), участие «несовершеннолетних лиц в несанкционированных публичных мероприятиях» политического характера в последнее десятилетие как попытка заявить о своих правах и свободах до наступления совершеннолетия (Саленко 2019). Дети не остаются равнодушными к проблемам, стоящим перед всеми землянами, а не только перед гражданами отдельного государства. Так, многие научно-технологические решения предлагаются детьми в рамках научных конкурсов (в том числе упомянутых выше). Например, экзоскелеты, беспроводные кардиомониторы, средства лечения рака, модели жилого модуля для космических аппаратов, способы повышения урожайности от сбалансированного микса минеральных удобрений и многие другие образцы и идеи были представлены в 2020 г. на XVI Балтийском научно-инженерном конкурсе, условно называемым «Нобелевкой» для школьников (Нехлебова 2020).

Современных детей тревожат уже не локальные проблемы, а глобальные, имеющие общечеловеческое значение, вневременную и внепространственную актуальность, не сводимую к конкретному хронотопу. Следствием включенности детей в решение социально значимых проблем становится усиление противоречий между их возможностями и притязаниями — недостаток знаний, полномочий, дееспособности, с одной стороны, и стремление к самореализации, невзирая на авторитеты, в масштабе глобального общества, наравне со взрослыми — с другой. Поэтому на поколение Дельта возложена миссия не только создания новой техно-

логической реальности, но и разрешения груза проблем, транслируемых из прошлого.

Следовательно, в тенденциях современных экономических, политических, социально-политических изменений просматриваются трудности, обладающие потенциалом кризиса для человечества и угроз безопасности для российского общества в будущем. Для поколения Дельта ввиду угрожающего характера проблем их преодоление станет необходимостью.

Поколение Дельта: заключительные тезисы

Таким образом, наблюдаемые тенденции в России и в мире позволяют нам наметить ключевые характеристики поколения Дельта. Среди них выделяются две группы (табл.):

1) характеристики, которые представляют собой определенный фрейм и который дельтовцы наследуют от предшествующих поколений;

2) характеристики, которые сгенерированы дельтовцами внутри поколения под воздействием характеристик первой группы.

Таблица

Ключевые характеристики поколения Дельта

Ключевые характеристики поколения Дельта, наследуемые от предыдущих	Ключевые характеристики, сгенерированные самим поколением Дельта
<ul style="list-style-type: none"> — депопуляция (depopulation); — демократия (democracy); — увеличение продолжительности (duration) детства и периода взросления; — разнообразие (diversity); — электронно-цифровые устройства (digital device); — трудности (difficulty) 	<ul style="list-style-type: none"> — различия (distinction), обеспечиваемые усилиями (заслугами) самих представителей Дельта; — дифференциации (differentiation) на основе знаниевого и компетентностного контента; — девиации (deviation) как нормативный атрибут в условии многообразия паттернов; — спрос (demand) как потребление в разнообразии его целей и форм; — принятие решений (decide) как отражение собственной субъективности и слабо предсказуемых перспектив; — обязательные дела (duty deal) в решении насущных проблем общества как безальтернативная необходимость

Символизм значения слова «дельта» в характеристиках рождающегося и самого юного поколения проявляет себя довольно красноречиво. Так

как подготовка статьи происходила в до-COVID-ный период, то динамика событий, развернувшихся в условиях пандемии коронавируса, указывает на вероятность того, что интенсивность изменений в мире будет возрастать, а экстремальные ситуации будут иметь катализирующее значение. Разумеется, они затронут все стороны жизни, а представители поколения Дельта неминуемо будут вовлечены в их круговорот. Усложнение производственно-технологической базы, конкуренция за ресурсы, глобализация ранее локальных проблем, возрастающие требования к уровню подготовки и самореализации, построению коммуникаций с мировым сообществом особенно актуализируют для поколения Дельта вышеописанные характеристики. Находясь перед лицом множасьихся неопределенности и рисков, дельтовцам предстоит принимать решения, в «нормальной» жизни неожиданные (девиантные), игнорировать мнимые барьеры, создавать новые международные объединения с целью поиска путей преодоления мультипроблемности и входа в новую реальность, возможно, новый миропорядок. Однако представленные характеристики, безусловно, будут уточняться и дополняться под влиянием знаковых событий в период «впечатлительных лет».

Литература

Банцорова О.Л., Азаренков В.П. (2018) Проблемы формирования архитектурно-пространственной среды детских технопарков. *Перспективы науки*, 11(110): 46–50.

Бесчасная А.А. (2007) Проблема возрастной периодизации в социологии детства. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 8(41): 151–157.

Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. (2016) Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории. *Современная зарубежная психология*, 5(2): 31–38.

Бочаров В.В. (2000) *Антропология возраста*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Бурдые П. (2005) Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии.

Горбачев Н.П., Цирихова А.Э. (2018) Влияние интернета на подростковые суициды. Мусарский М.М. (ред.) *Номо instagramus: человек в цифровом обществе материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции*. М.: МГПУ: 158–162.

Джуринский А.Н. (2004) *История образования и педагогической мысли*. М.: Владос.

Егорова М.С., Зырянова Н.М., Пьянкова С.Д., Чертков Ю.Д. (2001) *Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире*. СПб.: Алетейя.

Кон И.С. (2006) *Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология*. Ростов-н/Д.: Феникс.

Лебедь О.Л. (2009) Социальные последствия депопуляции в России. Антонов А.И. (ред.) *Демографические исследования*. М.: КДУ: 137–147.

Левада Ю.А. (2005) Поколения XX века: возможности исследования Левада Ю., Шанин Т. (ред.) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: НЛО: 41–44.

Лисаускене М.В. (2019) Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения «поколения Z» (опыт исследований молодежи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.). *Siberian Socium*, 3(1): 46–60.

Луков В.А. (2012) Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+.

Майорова-Щеглова С.Н. (2007) Детство в начале XXI века: парадоксы развития и функционирования. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, 2–3: 191–201.

Мангейм К. (2000) *Очерки социологии знания. Проблема поколений — ответственность — экономические амбиции*. М.: ИНИОН РАН.

Ортега-и-Гассет Х. (2000) Восстание масс. В кн.: Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. М.: Весь мир: 43–163.

Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 15–33.

Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2017) Рождаемость населения России и демографические волны. *Народонаселение*, 4(78): 56–66.

Салдан И.П., Филиппова С.П., Жукова О.В., Швед О.И., Пашков А.П., Поцелуев Н.Ю., Шульц К.В., Нагорняк А.С. (2019) Современные тенденции в изменениях показателей физического развития детей и подростков (обзорная статья). *Бюллетень медицинской науки*, 1(13): 14–20.

Саленко А.В. (2019) Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции». *Журнал российского права*, 8: 48–61.

Семенова В.В. (2005) Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. Левада Ю., Шанин Т. (ред.) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: НЛО, 2005: 80–107.

Стиллман Д. (2018) *Поколение Z на работе. Как его понять и найти общий язык*. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Урланис Б.Ц. (1985) *Избранное*. М.: Мысль.

Царева А.В. (2012) Человек в Сети: смена веб-поколений. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(5): 36–54.

Шанин Т. (2005) История поколений и поколенческая история. Левада Ю., Шанин Т. (ред.) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: НЛО: 17–38.

Шваб К. (2018) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо.

Csobánka Zs.E. (2016). The Z generation. *Acta Technologica Dubnicae*, 7(2): 63–76.

McCrinkle M., Wolfinger E. (2016) The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations [https://2qean3b1j1s87812ool5ji-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2016/12/McCrindle-Research_ABC-03_The-Generation-Map_Mark-McCrindle.pdf] (дата обращения 25.01.2020).

Nagy A., Kölcsey A. (2017) Acta Generation Alpha: Marketing or Science? *Acta Technologica Dubnicae*, 7(1): 107–115.

Scholz C., Rennig A. (ed.) (2019) *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 285–299.

Sharon A.D. (2015) Understanding the Millennial Generation. *Journal of Financial Service Professionals*, 69(6): 11–14.

Tari A. (2011) *Z generáció*. Budapest: Jaffa Kiadó.

Vyugina D. (2019) Generation z in Russia: The digital divide of the generation Putin. In: Scholz C., Rennig A. (ed.) *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 253–274.

Источники

56 % детей постоянно в Сети: Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлеченности (2016) *Лаборатория Касперского*. 12.05.2016 [https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16] (дата обращения: 25.01.2020).

Американские поколения (2008) *Гуманитарный портал*. 14.11.2008 [https://gtmarket.ru/blog/stroganov/2008/11/14/1818] (дата обращения: 25.01.2020).

Аналитический доклад о состоянии системы дополнительного образования детей в РФ в условиях реализации Концепции развития дополнительного образования детей (2017) Института образования НИУ ВШЭ [https://ioe.hse.ru/data/2017/10/25/1157694020/Аналитический%20доклад%20о%20состоянии%20системы..полнительного%20образования%20детей.pdf] (дата обращения: 25.01.2020).

В России выросло число детских суицидов (2019) *ИА ТАСС*. 23 апреля 2019. [https://tass.ru/obschestvo/6365110] (дата обращения: 25.01.2020).

Естественная убыль россиян станет рекордной за 11 лет (2019) *РБК*. 13.12.2019 [https://www.rbc.ru/economics/13/12/2019/5df240d49a79475d8876bd3] (дата обращения: 25.01.2020).

Курилова А. (2017) Протестный поход детей. *Коммерсант*. 29.12.2017 [https://www.kommersant.ru/doc/3511570] (дата обращения 25.01.2020).

Население (2019) *Росстат* [https://www.gks.ru/folder/12781] (дата обращения: 25.01.2020).

Нехлебова Н. (2020) Поиск — наше будущее. *Огонек*, 6: 10–12.

Портнягина М. (2018) Цифра зовет. *Огонек*, 40: 27–29.

Свободнее и счастливее нас? (2019) *Аналитический центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр)* [https://www.levada.ru/2019/03/26/svobodnee-i-schastliveenas/] (дата обращения: 25.01.2020).

Трушин А. (2019) План по талантам. *Огонек*, 41: 28–31.

Федулова А. (2016) Поколение Y и поколение X — кто они и в чем разница. *MOIARUSSIA*. 14.02.2016 [<https://moiarussia.ru/pokolenie-y-pokolenie-x/>] (дата обращения: 25.01.2020).

Черных А. (2019) Сети детям не игрушка. *Коммерсантъ*. 27.03.2019 [<https://www.kommersant.ru/doc/3924355?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8>] (дата обращения: 25.01.2020).

Четвергова Т.А. (2016) Особенности ведения предпринимательской деятельности поколением Y. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 5 (1): 104–106.

Школьное образование в России. *Edunews* [<https://edunews.ru/education-abroad/sistema-obrazovaniya/shkolnoe.html>] (дата обращения: 25.01.2020).

Understanding Gen Z. *Morningconsult*. [<https://morningconsult.com/form/gen-z-report-download/>] (дата обращения: 25.01.2020).

Who is mister...? Теория поколений. *HR-Portal* [<https://hr-portal.ru/blog/who-mister-teoriya-pokoleniy>] (дата обращения: 17.07.2019).

GENERATION DELTA: SEARCHING FOR THE CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN PRESENT AND FUTURE GENERATION

Albina Beschasnaya (aabes@inbox.ru)

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

Citation: Beschasnaya A. (2020) Pokoleniye Delta: v poiskakh kharakteristik rossiyskogo pokoleniya nastoyashchego-budushchego [Generation Delta: searching for the characteristics of the Russian present and future generation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 7–39 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.1>

Abstract. Studying the life of society and making forecasts of its development from the point of view of generational analysis is popular. The analysis of the characteristics of generation Z showed that there are differences among its representatives, reflecting political, economic, cultural and other factors of socialization and life activity. Taking into account the modeling effect of historical and sociocultural events on the life of a person and the generation as a whole, it is legitimate to insist on the specificity of the youngest generation in Russia. The purpose of this article is to determine the contours of the youngest (Russian) generation following generation Z. Following a number of trends

of social changes accompanying the process of growing up and the qualities developed within this age cohort, the author proposes to call it generation Delta. The main characteristics of this generation will be determined by the dynamics of the ongoing changes in technologies, production of resources, goods and services, economy, communications, consumption, as well as the exacerbation of contradictions and the need for their urgent solution. Therefore, the features of the Delta generation are visible: the diversity of the bases of their social differentiation and the variety of everyday social practices that normalize deviation, the permanent situation of choice and decision-making, participation in global processes and the formation of a new order of relations. The catalyst and symbol of these changes has to be a landmark event, exemplified by COVID-19.

Keywords: generation, Z, Alpha, Delta, trend, children, information technology.

References

Bantserova O.L., Azarenkov V.P. (2018) Problemy formirovaniya arhitektruno-prostranstvennoj sredy detskih tekhnoparkov [Problems of forming the architectural and spatial environment of children's technoparks]. *Perspektivy nauki* [Perspectives of science], 11(110): 46–50 (in Russian).

Beschasnaya A.A. (2007) Problema vozrastnoj periodizacii v sociologii detstva [The problem of age periodization in the sociology of childhood]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Herzen* [Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 8(41): 151–157 (in Russian).

Bocharov V.V. (2000) *Antropologiya vozrasta* [Anthropology of age]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University (in Russian).

Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. (2016) Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy traektorii [Perspectives of modern teenagers in the context of life trajectory]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 5(2): 31–38 (in Russian).

Bourdieu P. (2005) *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. St. Petersburg: Aleteya; Moscow: Institute of Experimental Sociology (in Russian).

Csobánka Zs.E. (2016) The Z generation. *Acta Technologica Dubnicae*, 7(2): 63–76.

Dzhurinsky A.N. (2004) *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli* [History of education and pedagogical thought]. Moscow: Vldos (in Russian).

Egorova M.S., Zyryanova N.M., Pyankova S.D., Chertkov Y.D. (2001) *Iz zhizni lyudej doshkol'nogo vozrasta. Deti v izmenyayushchemsya mire* [From the life of people of pre-school age. Children in a changing world]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Gorbachev N.P., Tsirikhova A.E. (2018) Vliyanie interneta na podrostkovye suicidy [The Impact of the Internet on adolescent suicides]. In: Musarsky M.M. (ed.) *Homo instigramus: chelovek v cifrovom obshchestve materialy mezhdvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Homo instagram: a person in a digital society materials of the interuniversity student scientific and practical conference]. Moscow: MGPU: 158–162 (in Russian).

Kon I.S. (2006) *Mezhdisciplinarnye issledovaniya. Sociologiya. Psihologiya. Seksologiya. Antropologiya* [Interdisciplinary research. Sociology. Psychology. Sexology. Anthropology]. Rostov-na-Donu: Phoenix (in Russian).

Lebed O.L. (2009) Social'nye posledstviya depolyatsii v Rossii [Social consequences of depopulation in Russia]. In: Antonov A.I. (ed.) *Demograficheskie issledovaniya: sbornik* [Demographic research: collection]. Moscow: KDU: 137–147 (in Russian).

Levada Y.A. (2005) Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the twentieth century: research opportunities]. In: Levada Y., Shanin T. (eds.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and children: generational analysis of modern Russia]. Moscow: NLO: 41–44 (in Russian).

Lisauskene M.V. (2019) Molodye sibiryaki: zhiznennye cennosti i modeli povedeniya «pokoleniya Z» (opyt issledovaniy molodezhi Irkutskoj oblasti v 1991, 2013, 2018 gg.) [Younger Siberians: life values and behavior models of the generation Z (studies of Irkutsk Region in 1991, 2013, and 2018)]. *Siberian Sotsium*, 3(1): 46–60 (in Russian).

Lukov V.A. (2012) *Teorii molodezhi: Mezhdisciplinarnyj analiz* [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]. Moscow: Canon+ (in Russian).

Mannheim K. (2000) *Ocherki sociologii znaniya. Problema pokolenij — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii* [Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations, competitiveness and economic ambitions]. Moscow: INION RAN (in Russian).

Mayorova-Shcheglova S.N. (2007) Detstvo v nachale XXI veka: paradoksy razvitiya i funkcionirovaniya [Childhood at the beginning of the XXI century: paradoxes of development and functioning]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of RSUH. Series: Philosophy. Sociology. Art history], 2–3: 191–201 (in Russian).

McCrinkle M., Wolfinger E. (2016) The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations [https://2qean3b1j1d1s87812ool5ji-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2016/12/McCrinkle-Research_ABC-03_The-Generation-Map_Mark-McCrinkle.pdf] (accessed: 25.01.2020).

Nagy A., Kölcsey A. (2017) Acta Generation Alpha: Marketing or Science? *Acta Technologica Dubnicae*, 7(1): 107–115.

Ortega y Gasset J. (2000) Vosstanie mass. In: Ortega y Gasset J. *Selected Works*. Moscow: Ves' Mir: 43–163 (in Russian).

Radaev V.V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 3: 15–33 (in Russian).

Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. (2017) Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskie volny [Birth rate of the Russian population and demographic waves]. *Narodonaselenie* [Population], 4(78): 56–66 (in Russian).

Saldan I.P., Filippova S.P., Zhukova O.V., Shved O.I., Pashkov A.P., Tseluev N.Yu., Shultz K.V., Nagornyyak A.S. (2019) Sovremennye tendencii v izmeneniyah pokazatelej fizicheskogo razvitiya detej i podrostkov (obzornaya stat'ya) [Current trends in changes in indicators of physical development of children and adolescents (review article)]. *Byulleten meditsinskoy nauki* [Bulletin of medical science], 1 (13): 14–20 (in Russian).

Salenko A.V. (2019) Svoboda mirnyh sobranij: «detskie mitingi» i «vzroslye sankcii» [Freedom of peaceful Assembly: “children’s rallies” and “adult sanctions”]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 8: 48–61 (in Russian).

Scholz C., Rennig A. (eds.) (2019) *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 285–299.

Semenova V.V. (2005) Sovremennyye koncepcii i empiricheskie podhody k ponyatiyu «pokolenie» v sociologii [Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology]. In: Levada Y., Shanin T. (ed.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and children: generational analysis of modern Russia]. Moscow: NLO, 2005: 80–107 (in Russian).

Shanin T. (2005) Istoriya pokolenij i pokolencheskaya istoriya [The history of generations and generational history]. In: Levada Yu., Shanin T. (ed.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and children: generational analysis of modern Russia]. Moscow: NLO: 17–38 (in Russian).

Sharon A.D. (2015) Understanding the Millennial Generation. *Journal of Financial Service Professionals*, 69(6): 11–14.

Shvab K. (2018) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo (in Russian).

Stillman D. (2018) *Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i najti obshchij yazyk* [Generation Z at work. How to understand it and find a common language]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).

Tari A. (2011) *Z generáció*. Budapest: Jaffa Kiadó.

Tsareva A.V. (2012) Chelovek v seti: smena veb-pokolenij [Human being in the net: the change of web generations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (The Journal of Sociology and Social Anthropology), XV (5): 36–54 (in Russian).

Urlanis B.S. (1985) *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: Mysl' (in Russian).

Vyugina D. (2019) Generation z in Russia: The digital divide of the generation Putin. In: Scholz C., Rennig A. (ed.) *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited: 253–274.